

4 от 21 янв. 1927  
Москва Газета №

# Сценический образ Ленина

Мы ждем его появления с замирающим сердцем. Мы уже видели в первых четырех картинах пьесы, как ленинская воля руководит штабом революции, сеет панику в стане врагов, как прибывают под команду Владимира Ильича все новые пролетарские полки, как вооружились для защиты революции рабочий Кузьма Рыжов и крестьянин Тарас Голота — герои пьесы Корнейчука «Правда».

...На сцене Ленин.

Вопреки ремаркам драматурга, он появляется не под крики «ура!» и гром приветствий. Он вошел быстро и стремительно, никто из присутствующих в комнате Смольного не заметил его появления, и даже зрительный зал задрожал от аплодисментов только через минуту после того, как Ленин уже прочитал поданный ему матросом телефонограмму, взглянул в конец ее — здесь обычно вывод, — затем пробежал начало бумажки — там вступление и факты. Так уже первое движение типично для Ленина, оно неоднократно отмечено современниками.

М. М. Штраух не делает картинных жестов, не застывает в позах, знакомых по фотографиям, скульптурам и портретам. Ленин запечатлен в них неподвижным, а на сцене он весь в действии. Он руководит восстанием, взятием Зимнего дворца, командует отрядами красногвардейцев и революционных матросов.

Этот человек и в эмиграции, в библиотеке Британского музея, в горах Швейцарии, сибирской ссылке — всю свою жизнь мечтал об этом дне, видел его величественные контуры, готовился к нему. Он знает начало и предвидит исход борьбы. И первое ленинское свойство, которое доносит актер, — это решительность действий, уверенность в победе.

Вера в победу! Правильно поступил Штраух, избрав это качество «сверхзадачей» своей роли. Это чувство открыло вождя революции в ночь восстания. Каждым своим словом и действием он связан с массами, он стремится привлечь их к активному участию в великом общем деле. Он требует сводки об отрядах, идущих на штурм Зимнего дворца, чтобы знать, какими людскими резервами располагает революция. Он заговорил с Кузьмой Рыжовым, заметив, что тот очень хорошо выступал на съезде Советов, выяснил, поручена ли ему соответствующая его способностям боевая задача в предстоящей борьбе. Это сейчас главное. Ленина познакомили с крестьянином Тарасом Голотой. К нему он отнесся иначе. Он как будто угадал в нем искателя справедливости, приехавшего в Питер с украинских степей, чтобы найти мужицкую правду, справедливое слово и решение о праве труженика на землю. Мы видели, что привело Тараса Голоту в большевистский отряд, а Ленин это угадал. Он широко, как для обитя, открыл руки, бережно взял Тараса за плечи и усадил рядом с собой. Он хочет, чтобы украинский бедняк сам заговорил с ним и рассказал о своих думах.

— Что на Украине? Как живут у вас на селе?

Ответ Тараса нетрудно предугадать. Но Ленин выслушивает его, звонко вскрикивает «правильно!» и радуется подтверждению своих мыслей, тому, что на вопрос — «что по вашему делать надо?» — он и Тарас отвечают одинаково.

У Ленина миллионы единомышленников и союзников.

«С такими людьми нельзя не победить».

Мы видели Ленина — друга и отца бойцов революции, и когда в последней картине он выходит на трибуну, чтобы провозгласить свершившуюся революцию. Мы знаем, от чего имени говорит пламенный народный трибун, кто стоит за ним, какие силы посылает в бой его несокрушимая воля.

Никто, и раньше всего сам актер, не назовет работу М. М. Штрауха над ролью Ленина законченной. Но в ней запечатлены живые черты ленинского облика, ленинской человечности. Он стремителен, но не суетлив. Все движения Ленина на сцене четки и энергичны. Сводку штаба он берет быстро двумя руками. Карандаш зажат в руке, как разящее оружие. Когда он сажает перед собой Тараса Голоту, мы видим — сильные руки крепко держат могучие плечи Тараса. Из таких деталей рождается пластический образ Ленина, представление о его четком и определенном жесте, об его умении подчинять себе людей и вещи. Разговаривая со Сталиным, он садится на край стола. Для него сейчас главное — предмет беседы, а не удобство, не впечатление, которое он произведет на окружающих, взобравшись с юношеской живостью на стол.

★

На вопрос о том, как создавался образ Ленина, М. М. Штраух отвечал неоднократно; он говорил о материалах, натолкнувших его на ту или иную догадку, о беседах с людьми, лично знавшими Ильича, о посещениях Музея В. И. Ленина. Но захваченный величием задачи, Штраух мало рассказывал о тайнах актерской лаборатории, о черновой технической работе над ролью, о больших открытиях, на которые навели мелочи, о работе интуиции, не поддающейся связному логическому описанию, о далеких ассоциациях, рожденных фантазией и воображением.

Материал не вдохновляет актера-художника, если у него нет своеобразного к нему отношения, если у него нет особого взгляда на пожелтевшую фотографию, если его тонкий слух не может уловить тембра ленинской речи, записанной на граммофонную пластинку, если он не умеет исследовать фототипию с рукописи Ильича, где самый почерк рассказывает о твердости характера, свободном полете мысли, решительности и неслышаемой воле.

Одежда, грим, внешняя характерность героя — всегда плоды упорного труда. И когда актер, до сих пор игравший преимущественно комедийные роли, должен был перевоплотиться не в литературный образ, а в образ человека, чьи слова живы в памяти, а биография стала достоянием истории, он понял: перед ним задача гигантской трудности. Она усложняется тем, что роль Ленина в пьесе А. Корнейчука невелика, и образ вождя обрисован в ней односторонними, скудными красками. Весной театр получил пьесу, осенью была назначена премьера. Для работы над ролью оставалось несколько месяцев.

Летний отпуск в том году Штраух провел у патефона. Пластинка сотней раз повторяла речь Ленина, посвященную памяти Свердлова. В этой речи особенно ярко сказались особенности произношения Владимира Ильича. Актер слушал речь и повторял ее слово в слово, стараясь точно воспроизвести голос Ленина. Так была завоевана первая победа, которую

отметила Н. К. Крупская: «У товарища Штрауха даже в голосе слышатся иногда нотки Ильича».

Второй этап работы — он и сейчас не завершен — поиски всего, в чем сохранились живые черты ленинского характера, его главные человеческие свойства. В этой работе главная помощница — литература.

Передо мной лежат пожелтевшие листки. Все записи на них, сделанные актером, разбиты на рубрики. Сейчас невозможно разыскать все книги (их было слишком много), из которых выловлены слова и фразы людей, непосредственно общавшихся с Ильичем. Актер собирал не только то, что ему нужно для этой роли. Вот рубрика «Юмор». «Ленин всегда заражал всех своим добродушным, раскатистым, бодрым смехом». Есть здесь заметки в два-три слова: «Притворялся спящим», «Говорит живо, остроумно, с сарказмом», «Часто прибегает к шутке». Записаны сюда и определения, вынесенные в результате долгих наблюдений. «Говорил Владимир Ильич... в обычном для него духе, отпуская время от времени остроты, иногда больно ударяя по инакомыслящим». «Любил острую шутку и сам юношески умел смеяться».

В этих записях самое столкновение различных качеств может многому научить художника, стремящегося передать многогранный характер Ильича. Вот раздел «Лирика»: «Любил музыку», «возился с детьми», «с котятками». Вслед за этим идет раздел совсем иного рода — «Хладнокровие»: «Всегда спокойный, уравновешенный и аккуратный», «в критические моменты всегда сохранял полнейшее хладнокровие».

В записях собраны наблюдения, похожие на прямые указания актеру: «Жесты не были резки или грубы, ничего показного, никакой «актерской» подготовки»... «жестикация тесно связана со смыслом речи».

Взгляд, язык, речь, мимика, жесты — всему этому в записях посвящены особые рубрики. Сюда из многочисленных книг, из бесед с людьми, лично знавшими Ленина, собрано все, что может дать толчок воображению, пищу уму и огонь творческой фантазии.

Речь И. В. Сталина на вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 года стала настольной книгой Штрауха во время работы над ролью. Здесь сжато и ярко, образно и просто отмечены главнейшие черты Ленина — политического деятеля.

Ленин впитывал в себя из родников народной мудрости все ценное и полезное. Ленина без людского окружения представить нельзя. Актер обязательно хотел показать это стремление Ленина к общению с народом. Вот почему М. М. Штраух попросил драматурга А. Корнейчука вписать в пьесу беседу Ленина с Тарасом Голотой, где Ильич быстро задает вопросы, заставляет самого собеседника делать выводы, и уходит, счастливый тем, что его взгляды на ближайшие политические задачи тождественны с взглядами украинского хлебороба.

Я видел в рабочем кабинете М. М. Штрауха собранные воедино литературные материалы к работе над образом Ленина. Они доверху заполнили обемистый ящик. Здесь самые разнообразные книги, блокноты, журналы, брошюры Партиздата, томы сочинений Ленина, материалы по вопросам художественной политики советского правительства в первые дни революции. В одном из журналов приводится, например, переписка Ленина с Луначарским на заседании Совнаркома. Ленин спрашивает у Луначарского, встречался ли он с человеком, которого Ильич направил в Наркомпрос. Когда они встретятся? День? Час? Но десятка вопросов сводится к одной цели. Луначарский должен принять нужного человека и решить с ним важнейший вопрос культурного строительства. На вкладке, отмечающей эту заметку, рукой актера написано одно слово: «Дотошность». Вот из таких едва приметных черт складывалось представление о характере Ленина, о ритме его работы, жизни.

Но чтобы выразить человечность Ленина, надо найти четкую, благородную сценическую форму. На сцене живет человек, и все его внутренние качества нужно передать не только голосом, не только осознанием внутреннего величия Ленина, но и пластически — жестом, движением, мимикой.

Иконографический материал о Ленине беден. Только скульптору Андрееву да немногим художникам удалось писать и лепить Ленина с натуры. Фотография бесцельна передать человека в движении. Несовершенное кино тех лет не оставило нам фильм, где были бы схвачены походка или характерный жест Ленина. М. М. Штраух смотрел не только бюсты Андреева, где натура глядит уже сквозь наслоения академических канонов, но и его зарисовки, хранящиеся в запасниках Музея Ленина. В этих беглых, стремительных рисунках больше непосредственности, и тут главное, что занимало художника — наклон головы, улыбка, прищур глаз, — переданы с подкупающей точностью.

Каждая картина или скульптура, каждая ленинская фотография сообщала свои ценные сведения. Есть в коллекции Штрауха заботливо вклеенные в рамку из белой бумаги кадры из кинохроники. Ленин полулежит в кресле. Голова его покоится на спинке кресла, ноги вытянуты. Человек отдыхает. Но вы смотрите внимательней в кадр, и вы увидите на коленях Ленина твердо сжатый, плотный, упругий кулак. Это стук энергии. Кажется, что здесь заключена сейчас недремлющая воля Ленина. Этот снимок почему-то больше всего рассказал актеру о волевом характере вождя и о том, как он проявлялся внешне.

★

Когда актер впервые вышел на сцену в гриме Ленина, вслед за громом аплодисментов он услышал, как в зрительном зале вопарилась тишина. Это была особенная тишина. Он слышал ее впервые за многие годы актерской работы. Люди сидели, затаив дыхание.

Память о Ленине жива в сердцах людей, и они диктуют свою волю актеру. В такой роли советский человек не простит полтона, пустого места, блеклой краски.

Я видел как-то в артистической уборной Штрауха и следил за тем, как гример И. С. Кутулия чернит брови, пробует крепость парика, подклеивает усы, бороду. С каждым его движением знакомые черты выступают рельефней.

Репродуктор донес со сцены песню солдата Васи, протяжную, тоскливую сибирскую песню.

— Вот эта песня всегда как-то переносит меня в атмосферу октябрьских дней и помогает вызвать нужное самочувствие.

Штраух закрывает глаза и слушает. Тихо прошившись с ним, я ухожу. И через 10 минут в зрительном зале вздрагивают от счастливой и радостной неожиданности.

На сцене — Ленин!

В. СУХАРЕВИЧ